

ИДЕТ УДАРНАЯ НЕДЕЛЯ!

Товарищ строитель! К 25 апреля нужно смонтировать 12 колонн, 24 распорки, 7 металлических ферм, 120 кровельных плит, 80 метров подкрановых балок!

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН

КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС, ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 70 (155)

Среда, 18 апреля 1962 г.

Выездная редакция на стройке Ново-Кемеровской ТЭЦ

С ЗАДАНИЕМ СПРАВИМСЯ

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

Приближается 25 апреля. О многом говорят строителям Ново-Кемеровской ТЭЦ эта дата. На общем собрании в марте они решили: сдать котельный пролет к 25 апреля 1962 года, начать монтаж первого по счету котла — № 7. Такое решение подтвердилось еще раз на общем производственном собрании коллектива участка треста «Сибстальконструкция», состоявшемся три дня назад.

Немало работы сделано. Но за оставшиеся семь дней сделать нужно еще очень много. Установить 12 колонн, смонтировать 24 распорки, 7 металлических ферм, 120 кровельных плит, 80 метров подкрановых балок — вот перечень основных работ.

С намеченным объемом строители могут с успехом справиться. Залог этому — трудовой энтузиазм монтажников, крановщиков, электросварщиков, командиров производства.

Вот как говорят вожаки ведущих бригад:

П. БОНДАРЬ, бригадир монтажников: НАША БРИГАДА НЕ ПОДВЕДЕТ. С ЗАДАНЫМ ОБЪЕМОМ СПРАВИМСЯ.

А. ЛАЗАРЕВ, монтажник из бригады Енидеркина: ПУСТЬ НАС СВОЕВРЕМЕННО СНАБЖАЮТ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ. И МЫ СДЕЛАЕМ БОЛЬШЕ ПОЛОЖЕННОГО.

Д. ТОРБЕНКО, электросварщик: НА КОТЕЛЬНОМ ПРОЛЕТЕ НАС ЧЕТВЕРО СВАРЩИКОВ. ЭТО — ПЛАН. СУНОВ, ШИЛОВ, ГОРБУНОВ И Я. БЕЗ ХВАСТОВСТВА СКАЖУ, ЧТО ИЗ-ЗА НАС ЗАДЕРЖКИ НЕ БЫЛО, НЕТ И НЕ БУДЕТ...

Однако несмотря на трудовой энтузиазм людей, создавшееся положение на стройке вызывает тревогу. ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ, как правило, ДОСТАВЛЯЮТСЯ НЕСВОЕВРЕМЕННО, что ведет к срыву графиков, невыполнению обязательств. И это несмотря на то, что колонны, распорки, балки находятся уже готовые на полигоне всего в 300 метрах от стройплощадки. Установленные же колонны в местах стыков до сих пор не замоноличены.

Серьезным препятствием служит и такой, на первый взгляд, незначительный факт, как отсутствие тросов-стропов нужного диаметра для подъема конструкций. Таких ТРОСОВ НА СТРОЙКЕ ВСЕГО ОДИН КОМПЛЕКТ, хотя нужно не меньше трех. Главный механик управления «Сибстальконструкция» т. Ефремов должен, наконец, решить этот вопрос, обеспечить монтажников нужным количеством тросов. Тогда не будут строители одни имеющийся комплект стропов таскать с полигона на стройплощадку, со стройплощадки в машинный зал, отсюда — опять на полигон. Пора прекратить эту свистопляску!

Оставшиеся семь дней должны стать днями упорного боевого штурма намеченных рубежей. Курс прежний: котельный пролет — к 25 апреля! Собрать силы в единый кулак, направить усилия коллектива по правильному руслу, во что бы то ни стало сдать котельный пролет к 25 апреля, — вот задача № 1 строителей второй очереди Ново-Кемеровской ТЭЦ. Дашь ударную неделю!

Добрыми трудовыми делами славится на строительстве Ново-Кемеровской ТЭЦ бригада монтажников Павла Бондаря. Сейчас перед сложным коллективом стоит серьезная задача: сдать котельный пролет к 25 апреля.

— Мы сделаем все, чтобы выполнить взятые обязательства! — решили монтажники.

На снимке (слева направо): П. Бондарь, В. Новичков, И. Калач, В. Винокуров. Фото П. Костюкова.

В бригаде Енидеркина шестнадцать человек. Ребята дружные, боевые, смелые. Работаем по принципу: «Один за всех, все за одного!» Иначе нельзя. Ведь мы — монтажники-высотники. Каждый должен постоянно чувствовать локоть друга: и на земле, и на многометровой высоте.

Разными путями пришли в нашу бригаду ребята. Гизатулин, например, приехал из Башкирии в Кемерово к брату, который тоже трудится монтажником. Присмотрелся к нелегкой, но интересной работе да так и остался здесь. Сейчас он — толковый монтажник. Виктор Варывин вначале работал в стройуправлении, потом перешел в бригаду Енидеркина. Леонид Товстых вернулся из армии, сразу пошел на монтаж. Дмитрий Давыдов раньше трудился в гараже...

Словом, сейчас у всех наших ребят за плечами богатый трудовой опыт, сотни тонн смонтированных железобетонных конструкций.

Работа не страшит. Любые дела нам по плечу. Можем мы справиться и с тем объемом работ, который нужно выполнить к 25 апреля. Но это — при условии бесперебойного своевременного снабжения нас железобетонными конструкциями. — А то получается так: полсмены работаем так, что рубашки прилипают к спине, а потом вдруг — остановка. Сидим, мерзнем, поте-

му что нет ни колонн, ни распорок. Разве это дело?

Есть на нашем участке журнал, куда записываются задания на каждую смену, результаты выполнения намеченных работ. Журнал этот, словно зеркало, отражает деятельность монтажников. Вот запись: смонтировать одну колонну и три распорки. Фактически же за смену смонти-

ровано только три распорки. А колонну установить не смогли, потому что ее не было.

Еще раз повторяю: со своим заданием к 25 апреля мы справимся. Если не будет задержек в обеспечении нас нужными деталями.

А. ЛАЗАРЕВ, пом. бригадира монтажников.

Трудный узел

Раньше делалось так: сооружалась зимой промышленное здание, а узлы соединений балок с колоннами оставались незамоноличенными. Строители ждали лета, потому что работа эта ответственная, вести ее можно только при температуре 10—15 градусов тепла.

Это сдерживало темпы строительства, являлось помехой на пути повышения производительности труда. Главный инженер управления «Сибстальконструкция» И. В. Викторов и старший инструктор института «Оргстрой» П. Ф. Григорьев задумались. Долго ломали головы, прикидывали, что-то чертили на клочках бумаги, спорили. Наконец, решение созрело. «Пропарку конструктивных стыков будем проводить с применением паровых рубашек!» — подвели итог упорных поисков рационализаторы.

На базе изготовления «Сиб-

стальконструкции» соорудили 40 банок. Четыре таких банки устанавливаются вместо опалубки на узле. Они соединены между собой последовательно трубками, по которым в банки поступает пар. Через 24 часа пропарки прочность бетона получается отличная. Лабораторные испытания показали хорошие результаты.

Новый метод пропарки стыков применен при сооружении корпуса ионообменных смол комплекса капролактама. Там таким способом замоноличено 80 узлов. С успехом применяется он и при строительстве второй очереди Ново-Кемеровской ТЭЦ. Здесь при помощи паровых рубашек замоноличено 26 узлов. Сейчас бригада Михаила Колоколкина идет следом за монтажом, монолитит стыки новым методом.

— Быстро и выгодно! — удовлетворенно говорят строители ТЭЦ.

В. МИХАЙЛОВ.

СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Очерк

МНЕ нравится этот человек. И лицо его нравится, и улыбка. Мы сидим на шаткой скамеечке, я слушаю его рассказ. Слушаю не перебивая. Голос его чуть глуховатый, звучит будто издали, из того времени, с которого он начал свой рассказ...

— Жизнь меня как следует потрепала. Сколько мне лет сейчас, думаете? Сорок пять? Или больше?.. Вот то-то. Нету мне еще сорока. Да разве дело в годах? В сердце дело. Если крепко оно сколочено — значит повезло человеку. А мне, брат, на сердце повезло...

Род Промских надежный: кость широкая, руки крепкие, ну и сердце что надо. Нас у отца четверо сынов было. Идем, бывало, по селу вразвалочку, а старики глаза довольно щурят и говорят уважительно: «Порода... Вся статья Гришкина».

Отец мой, Григорий Денисич, крепко на ногах стоял. По земле ходил весело, размахисто. В тридцатые годы он в нашей Ольговке такие дела закрутил, только держись: колхозную артель сколачивал. Его первым председателем тогда избрали...

Летом сорок первого года я школу заканчивал. Десятилетку. В институт поступать собирался. А тут — война. Отец заявление в военкомат понес. Отказали. Фронт, говорят, хлеб нужен. А ты председатель, всему делу здесь голова.

Второй раз в военкомат мы заявления вместе понесли. Отцу отказали, а мне ответили: «Подумаем». Но так уж получилось, что уже в августе отец ушел на фронт. Видно, упрямее меня был, настойчивее.

А через три месяца и я прощался с матерью, братьями и сестрами. В Омское пехотное училище направили. Там пробыл недолго. Подучили малость, звание сержантское присвоили — и на фронт.

ВОЙНА... Каждый день ее отчетливо впечатался в солдатскую память, как тяжелый танковый след в рыхлую проселочную дорогу. Встретился случайно два старых дружка-однополчанина, разговорился про годы былые, и один из них спросит:

— Помнишь, Паша, Смоленщину? Бой под Харитоновкой... И глубокая морщина прорежет лоб старшего сержанта запаса, вспыхнут короткие отблески в карих его глазах. И беспощадная память проведет снова (в который уже раз!) его по дорогам войны...

Павел Промский ушел добровольцем на фронт. В семнадцать лет он стал командиром пулеметного расчета. Было у него тогда два друга — 1-й номер расчета боец Силаков и зенитный пулемет системы «Максим». И еще была за железными плечами этих троих Россия, родная земля.

Тридцать километров от передовой. Сорок километров от Москвы, фронт впереди, за спиной — столица. Это называлось тогда тылом. А где же была война? Здесь, рядом. Она врывалась в уши надрывным воем «хейнкелей», короткими орудийными раскатами.

— Воздух!

Смотрит вверх черный зрачок пулемета. В прорези прицела плывет серое декабрьское небо. Гул нарастает. Хищным косяком проносятся «мессеры». Сухая, короткая очередь. Густой шлейф дыма тащит за собой «стервятник» в своем последнем пики.

— Урр-аа! — разносится по лесной полянке.

Это был первый самолет вра-

га, сбитый пулеметчиком Павлом Промским. Орденом Отечественной войны 1-й степени отметила Родина подвиг бойца.

Потом наступление. Первый в жизни рукопашный бой. Первая тяжелая рана. Разрывная пуля раздробила левую стопу. Шесть месяцев провалялся в госпитале в Тамбове. И снова фронт...

ВРАСКОМАНДИРОВОЧНУЮ вошел паренек в шапке, сдвинутой на самый затылок.

— Павел Григорьевич, колонну привезли. Сейчас ставить будем...

— Иду, иду, — кивнул ему Промский.

На строительную площадку мы пошли вместе. Он шел впереди, легко перепрыгивая мутные лужи. Короткая куртка сидела на нем ловко, по-спортивному.

Тридцатитонный «СГК 30», стоял, высоко задрал стрелу, будто ожидал своего хозяина. Промский поставил ногу на гусеницу и легко прыгнул в кабину. Через минуту стальная машина, покорная воле человека, тяжело двинулась вперед. Еще мгновение — и двадцатипятитонная колонна плавно поплыла в воздухе...

— Давай-давай, родная... Вот так... Сюда... В самый раз. Майна! — выкрикивал бригадир монтажников Павел Бондарь.

Колонна мягко опустилась на фундамент.

— Красиво работает Григорьевич, — проговорил один из монтажников. В самую точку попал.

А мне вспомнилось. Один из моих товарищей по работе, хорошо знакомый с Павлом Григорьевичем, рассказывал:

— На строительстве Яшкинского цементного завода о Промском рабочие говорили, что он на спор может поставить многотонную панель на стеклянный стакан и не разбить его...

Наверно, это было что-то вроде легенды. Но это была добрая слава, которой мог бы гордиться любой крановщик.

— А как вы стали крановщиком, Павел Григорьевич, — спрашиваю я.

Промский усмехнулся доброй, чуть хитровой улыбкой.

— Мой рассказ как раз прервался на том месте, когда я хотел поведать о начале моей любви к стальным машинам.

ИЗ ГОСПИТАЛЯ выбрался летом 1942 года. Попал на 1-й Украинский фронт в запасной полк. Много там нашего брата набралось: кто от части своей отбилась, кто, как я, провалялся в госпитале...

А вскоре случилось так, что нашу часть присоединили к танковой армии. Опобрили группу крепких парней, стали учить на механиков-водителей. Попал в эту группу и я. Обучали не больше месяца. На фронте шли жаркие бои. И мы готовились к ним.

Ночью нас подняли по тревоге. Объяснили боевую задачу: на станцию пришел эшелон с новыми танками. Надо его разгрузить. Послали нас, новичков.

Первый рейс прошел благополучно. Когда сделали второй заход — нас накрыла немецкая авиация. «Понавешали» фрицы осветительных ракет и стали бить на чем свет стоит. Я только что залез в танк, прикрученный стальными тросами к платформе. О спасении, казалось, и думать было нечего. Потому решил: будь что будет. И выжал рычаги. Хрустнули тросы, танк боком пополз с платформы! Трянуло

как следует, но машину не опрокинуло. Под огнем вывел ее из-под обстрела. За это получил медаль «За отвагу».

ПОД деревней Харитоновкой был последний для меня бой. Запомнился он на всю жизнь. Мой танк был подбит. Яростное пламя плавало сталь. Огонь подбирался к боеприпасам. Танку грозил взрыв. Командир экипажа и башенный стрелок были убиты. Живой в танке — я один. Десятки осколков впились в мое тело. Они попали в руки, в ногу, в голову. Обожгла мысль: кажется, конец. Сгорю в танке. Выбраться через башню — явная смерть. Фашисты держат смертельно раненый танк на прицеле. Одежда на мне уже тлеет. Открыл водительский люк и тяжело вывалился на землю. Ранили снова. Ноги стали совсем безжизненными. На локтях отполз на несколько метров. И сразу раздался оглушительный грохот. Это взорвался мой танк.

Наутро меня полуживого обнаружил наша разведка. В госпитале насчитали у меня более тридцати ран. В общем весь был начинен железом. Может, потому и выдержал...

— Вот они, окающие, и сейчас еще в теле сидят, — сказал Промский. И зашипнув кожу на руке, поставил осколок торчком, так что он синим бугром выпирал из-под кожи. — Но эти не опасные — беспокоят мало. Из меня это железо несколько лет извлекали. Это — остатки.

ВЕРНУЛСЯ я в родную деревню в сорок четвертом, — продолжил свой рассказ Промский, — из госпиталя. Там меня подлечили немного. Специальность гражданскую дали. Тогда таких, как я, кадек к делу приучали. В нашем госпитале были курсы киномехаников, сапожников и счетоводов. Я выбрал профессию поинтеллектуальней — учился на счетовода.

И вот со справкой об абсолютной нетрудоспособности, с дипломом счетовода в кармане появился я в родной деревне.

А там обо мне уже поминки справили. Из-под Харитоновки похоронная на меня пришла. В 43-ем мать отца оплакала — погиб на Смоленском направлении. А через год — меня.

А тут на тебе — жив-здоров. Обрадовалась мне вся деревня. Бабы с ребятишками за околицу вышли встречать. Плачут сердешные. Ведь в каждом доме свое горе.

Но пуще всех обрадовалась мне девочка моя — Татьяна! Дружили мы с ней крепко еще в школе. В войну она трактористкой работала. Свою семью и нашу заработанным хлебом кормила. Меня ждала. И вот я пришел.

Осенью сыграли мы свадьбу. Я немножко окреп. Стал работать счетоводом. Но в 1945 году по рекомендации райкома комсомола стал работать инструктором «Осоавиахима».

Потом был даже председателем райсовета «Осоавиахима». Но по состоянию здоровья вынужден был оставить и эту работу. Врачи посоветовали переменить климат. Направили меня на лечение в Ташкент. И вот в мирное время я снова лежал в военном госпитале. Война для меня еще не кончилась...

Понемногу подживали раны. Да тут еще Татьяна не выдержала одиночества. Распродав имущество в деревне и приехав вместе с сыном Володи-

кой ко мне. Обрадовался я им здорово. И кажется, от счастья, окончательно выздоровел. Ушел из госпиталя и устроился на работу в трест «Уралстальконструкция».

КАК-ТО ко мне подошел начальник участка Григорий Михайлович Грибов и, хитро прищурившись, спросил:

— Ты, говорят, в войну на танке кочегарил? Значит, в технике кое-что смыслишь? Кран нашему участку новый дают. Так вот, мы решили тебя за ним послать.

Пришлось согласиться. Пока перевозил кран — несколько раз в его кабину забирался. Рычаги пробовал. Вспоминал свой танк, в котором греть пришлось.

В Ташкент приехал взволнованный. Помог слесарям разобрать и собрать кран и снова пошел на монтаж.

Дня через два снова подошел ко мне Грибов:

— Эй, парень, слезай вниз. Дело есть.

Спустился я к нему, а он сердито спрашивает:

— Ты что же не все детали крана по описи сдал?

Я растерялся, не пойму, в чем дело. А он меня за рукав тащит: пойдём!

Подошли мы к крану. Он показывает рукой на кабину: залезай, садись.

Ну я залез. А он снизу смеется:

— Вот этой детали крану и не хватает.

И ведь как в воду глядел. Через пятнадцать дней тренировки на кране я уже сдавал экзамен на машиниста перед очень авторитетной комиссией. И вот теперь я крановщик.

ЭТО короткая повесть о трудовой жизни этого удивительного человека — коммуниста с железным сердцем. Теперь осталось рассказать о том, как живет и работает Павел Григорьевич Промский сейчас.

А вот как работает. На днях ему присвоили почетное звание ударника коммунистического труда. Это был очень радостный день и для Павла Григорьевича, и для всего коллектива стройки.

На каких только кранах не работал этот замечательный

мастер своего дела! И всегда его работой восхищались люди. Он строил коммунальный мост через Томь, потом работал на строительстве первой очереди Ново-Кемеровской ТЭЦ. Нет, наверное, такого цеха на химкомбинате, где бы не трудился со своим стальным другом Павлом Григорьевичем. И всегда рядом с ним работала на таком же стальном гиганте его жена Татьяна Ефимовна. Он привил ей любовь к могучей технике, помог овладеть управлением кранами почти всех систем.

И в эти дни Татьяна Промская работает рядом с мужем на строительстве 2-й очереди ТЭЦ. Она хозяйка мощного козлового крана.

Здесь же, на стройке, работают и другие ученики Павла Григорьевича — крановщики Сергей Башаркевич, Андрей Беляков. А всего Промский воспитал за последние годы более десятка классных машинистов.

Сейчас у Павла Григорьевича большая семья: дочери Алла, Света, Наташа и сын Владимир. Владимир уже учится в 10 классе, занимается спортом и во всем старается походить на отца.

Семья Промских очень счастливая. Дом у них — полная чаша. Ребятишки растут здоровые, веселые. Пятилетняя Наташка очень любит играть с отцом. Когда папа приходит с работы, он берет ее на руки и долго крутит по комнате. Очень нравятся Наташке сильные папины руки.

Одну из смен, Павел Григорьевич часто уходит по своим делам. Их у него много: ведь он председатель стройкома, член ревизионной комиссии райкома партии, дружинник. Промский не привык относиться к делу формально. Общественной работе он отдает немало сил.

Так вот и живет этот человек на земле. Солнечно и просто. И не сломает его никакие болезни, не согнут никакие трудности. В его груди стучит сердце настоящего коммуниста.

Отв. за выпуск
В. МАХАЛОВ.